

Наша охочая до сенсаций пресса этого концерта не заметила. Да и что случилось-то! Впервые после почти пятилетнего отсутствия на Родине выступил музыкант! Да теперь чуть ли не через день в Москве концертируют «соотечественники из-за рубежа», как мы их изящно называем. В программе — «донельзя» знакомые Скрипичный концерт Бетховена и Пятая симфония Шостаковича. Большой зал консерватории был почти полон! Но и такое бывает. Дирижирующий скрипач! Господи, да нынче только ленивый не берется за палочку...

Между тем приехавший в Москву ради единственного концерта Валентин Жук — фигура незаурядная, необычная. Лауреат престижнейших международных конкурсов в Москве, Париже и Генуе, он, идя по стопам отца, Исаака Жука, многолетнего концертмейстера Большого театра и Госоркестра, посвятил свою жизнь оркестровому исполнительству. Будучи первым скрипачом симфонического оркестра Московской филармонии, Валентин Жук возглавлял и Ансамбль солистов этого коллектива, о концертах которого знатоки до сих пор вспоминают с восторгом. Нынешнее выступление музыканта с Московским государственным академическим симфоническим оркестром России живо напомнило о тех временах. Музыка лилась полноводным свободным потоком. Внимая ей — будь то верящий во всеобщую гармонию Бетховен или мучительно страдающий от несовершенств мира Шостакович, — дышалось легко и радостно. Каждый звучащий миг словно представлял материальным, «физически» совершенным, одновременно парадок-

сальным образом являя торжество духа над материей... Но дотошному журналисту мало чистой радости. Его одолевают вопросы. Почему Валентин Исаакович стал своего рода «невозвращенцем» в 1989 году, когда из страны при желании уже можно было уехать свободно? Почему он выступил в Москве не со своим родным когда-то коллективом? Как живет и работается ему в Голландии? В день отлета из России музыкант согласился встретиться для беседы, хотя и заметил с подкупающей смущенной улыбкой, что ему не хотелось бы выступать в модной нынче роли «зарубежного советника и эксперта».

— Как я оказался в Голландии? В 89-м году, будучи на гастролях в Германии с оркестром Московской филармонии, я получил от Нидерландской филармонии предложе-

ние сыграть с ними в качестве концертмейстера программу, включающую Шестую симфонию Малера. Я попросил начальство отпустить меня с гастролей несколько раньше. Никаких намерений покинуть коллектив навсегда у меня не было, но, к сожалению, дело приняло несколько конфликтный оборот.

А тут Радиосимфонический оркестр Голландии предложил мне без конкурса занять место концертмейстера. Мне ска-

зали, что это лишь второй такой случай. Виктор Либман, первая скрипка у Мравинского, был принят таким образом в Роттердамский оркестр (сейчас он концертмейстер знаменитого Концертгебау). Условия мне были предложены хорошие: сравнительно много свободного времени, гарантированная работа в качестве солиста с этим же оркестром, участие в небольшом камерном «Ардис-ансамбле» радио и телевидения. Интересные дирижеры, программы... Контракт бессрочный — до того момента, когда я сам захочу отсюда уйти, или до пенсии. Пока желания уйти у меня нет.

К тому же в 90-м году я получил престижное место преподавателя Амстердамской консерватории. Пять лет назад я приехал в Голландию с одним чемоданчиком, а сейчас «оброс» бытом, перевез

семью. Недавно начал выступать с младшим сыном, играем скрипичные дуэты. А старший — концертмейстер Штутгартской оперы (Оркестр земли Баден-Вюртемберг).

Сейчас нашим оркестром руководит голландец Кейс Бакерс. После первой репетиции я подошел к нему и спросил, не учился ли он у Кирилла Кондрашина. «Как вы догадались?» Как? Да ведь он копировал каждый жест, каждое движение Кирилла Петровича!

Бакерс сказал мне: «Кондрашин — мой Бог!».

Радиосимфонический оркестр обслуживает девять голландских радио- и телекомпаний, отличающихся друг от друга в основном своей религиозно-политической ориентацией. Каждую неделю одна из них заказывает нам концерт. Он обязательно записывается и транслируется по радио дня через три-четыре после каждого из наших выступлений, которые проходят в зале Концертгебау в Амстердаме, в большом современном концертном зале в Утрехте, а также в Гааге. Записываемся мы и в студии.

Репертуар несколько специфичен. Конечно, играем и Шостаковича, и Брамса, Чайковского и Брукнера... Но порой радиокомпания заказывают программы, словно по спискам сочинений в музыкальной энциклопедии. Целая серия «зас-

луженно забытых шедевров! Впрочем, случаются и открытия. В этом году мне предложили сыграть с оркестром Скрипичный концерт князя Алексея Львова, автора гимна «Боже, Царя храни». Ноты нашлись в Петербургской филармонии. Там сказали, что дадут их на два дня, но пришлют с человеком, которому голландцы должны оплатить самолет туда и обратно, а также проживание в гостинице. Ну и прокат нот, разумеется.

скаюсь в путешествия. Гастролировал с одним из оркестров того же Китаенко, ездил в США и Англию с камерным коллективом, возглавляемым еще одним бывшим российским музыкантом — Львом Маркизом.

Концертмейстеры почти всех значительных голландских оркестров — выходцы из бывшего СССР. В моей группе скрипачей есть еще один музыкант из Москвы и скрипачка из Ташкента. Оркестр — ин-

жен был играть с моим Радиосимфоническим Скрипичный концерт Нильсена. Выяснилось, что наш дирижер будет занят. Я порекомендовал Павла. Он произвел прекрасное впечатление, его сразу пригласили еще на пять программ. В частности, мы записали с ним очень редко исполняемую Концертную сюиту Танеева. Он предложил мне сыграть ее и в Москве, где она не звучала, кажется, со времен Давида Ойстраха. Но

КАК Я ОКАЗАЛСЯ В ГОЛЛАНДИИ

Культура. — 1994. — 18 июня. — С. 8

На такие условия, конечно, никто не пошел. Ноты все-таки привезли в Брюссель, но за пользование ими в течение нескольких дней попросили 1.000 долларов. А Концерт оказался замечательный — настоящая красивая скрипичная музыка, написанная знатоком. Публика была в бешеном восторге.

Гастролей у оркестра практически не бывает, да никто там в дальние страны и не стремится. Ни за какие деньги! Дмитрий Китаенко (он руководит сейчас коллективами во Франкфурте, Бергене и Берне и является приглашенным дирижером оркестра Датского радио) рассказывал мне, что у него, как только речь заходит о гастролях, начинаются проблемы. Один музыкант заболел, другому не на кого оставить семью, у третьего — еще что-то. А я с удовольствием иногда пу-

тернациональный, возможно, даже в большей степени, чем хотелось бы голландцам. Сочувствуя им, я стремлюсь, чтобы в моем классе училось побольше «аборигенов».

Когда концертмейстера нет или он заболел, в отпуске (у меня, например, дополнительный отпуск составляет девять недель в году), западные оркестры приглашают первого скрипача со стороны. Недавно меня позвали в гаагский Резиденц-оркестр. Я спросил, кто будет дирижировать. «О, тоже русский, некто Светланов». «Некто» Светланов в русской программе был неподражаем! Его тут же пригласили стать главным дирижером этого оркестра, и после некоторых колебаний он согласился.

История моего появления в Москве во главе оркестра Павла Когана тоже любопытна. Два года тому назад я дол-

месяца два назад выяснилось, что Павел не сможет приехать в мае. Он предложил мне делать все самому, на свое усмотрение.

Не так давно я побывал на концертах оркестра Московской госфилармонии в Германии. И там главный дирижер, директор и некоторые члены худсовета предложили отметить мой юбилей (в конце июня мне исполнится 60) с оркестром, в котором я прослужил 20 лет. Я воспринял это всерьез, стал обдумывать программу. Но нашлись влиятельные люди в коллективе, которые сказали: нет, этого не будет.

...На грустной ноте окончился наш разговор с Валентином Исааковичем. Один раз, коллеги, мы его прозевали. Неужели другого и впрямь не будет?

Виктор ЛИХТ.